

КУЛЬТУРАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ ДЖ. АЛЕКСАНДЕРА (ГЕНЕЗИС, ПОНЯТИЯ, ВОЗМОЖНОСТИ
ИНСТРУМЕНТАРИЯ)

Автор: С. А. КРАВЧЕНКО

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович - доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии Московского государственного института международных отношений (У) МИД РФ (E-mail: sociol7@yandex.ru).

Аннотация. Автор анализирует основные понятия теоретико-методологического инструментария культуральной социологии как новой парадигмы постмодернистского толка, которую разрабатывает Дж. Александер. Показаны новые подходы к интерпретации роли смыслов социальной жизни, позволяющие более глубоко понять динамику современного социума, его амбивалентности. Обосновано, что социальные реалии обретают определенное ценностное содержание только в результате процесса означения, кодирования, суть которого исследуется на примерах конструирования социальной травмы, интерпретации гражданской сферы, анализа демократической борьбы за власть*.

Ключевые слова: культуральная социология * социология культуры * смыслы социальной жизни * означение * перформативность.

Джеффри Александер (р. 1947 г.) - выдающийся американский социолог, профессор Йельского университета, директор Центра культуральных исследований. Мировую известность ученому принесла его неофункциональная теория, целью которой было обоснование сбалансированного подхода к таким противоречивым тенденциям, как равновесие и изменение, согласие и конфликт, структура и агентство [1]. Однако Александер неоднократно подчеркивал, что неофункционализм - "незаконченная"

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант N 09 - 06 - 00434-а).

теория в плане исследовательских возможностей методологического инструментария, несмотря на то, что в социологическом сообществе она нашла много сторонников [2], хотя были и критики. Так, Э. Бласи отмечал, что сторонникам неофункционализма не удалось разработать принципиальную альтернативу классическому функционализму [3], а М. Абрахамсон утверждал, что они не преодолели "объективный" взгляд на людей, которые "по-прежнему рассматривались скорее как реакторы по отношению к системам, чем акторы, и конфликт оставался второстепенным" [4]. Но и сам Александер в дальнейшем стал пересматривать и корректировать некоторые положения ранее разработанной теории.

С конца прошлого столетия начинается новый этап в творчестве ученого. В 1998 г. он публикует амбициозную по замыслу книгу: "Неофункционализм и после него", в самом названии которой выражена претензия на создание новой теории, с принципиально иным теоретико-методологическим инструментарием, позволяющим исследовать усложняющуюся социокультурную динамику в контексте возрастающей значимости виртуальной реальности, усложняющегося производства *смысла* посредством символов, знаковых кодов, симулякров. В этой работе социолог заявил, что неофункционализм стал "ограничивать" его творчество, и что начинается "новая волна" в его научных изысканиях, "выходящая за рамки важных достижений неофункционализма" [5, р. 228]. С этого времени Александер приступает к разработке принципиально новой парадигмы - *культуральной социологии*.

Широкий теоретический синтез

В процессе творчества Александер все более убеждался, что путь к созданию валидной (действенной, соответствующей современным требованиям) социологической теории проходит через широкий теоретический синтез. Культуральная социология как особая парадигма интегрирует широкие пласты социологического знания, которые оказались востребованными для исследования усложняющейся, плюрализирующейся социальной реальности, прежде всего, в ракурсе количественного и качественного увеличения производства самых разнообразных смыслов социальной жизни. В 2003 г. выходит в свет книга Дж. Александера "Смыслы социальной жизни. Культуральная социология" [6]. В этой работе культуральная социология противопоставляется *социологии культуры*, имеющей дело с созданием материальных культурных объектов, производством и распространением идей, с ценностями и нормами, образцами поведения и социальными типами. Суть же культуральной социологии - в нахождении и исследовании "*культуральных структур*", под которыми понимаются внутренние, латентные, как правило, неосознаваемые механизмы деятельности людей, сформированные в контексте относительно устойчивых смыслов социальной жизни. "Они [смыслы] являются не только внешними по отношению к акторам, но и внутренними. Они значимы. Эти смыслы структурированы, социально производятся, даже если они невидимы. Мы должны научить сделать их видимыми" [6, р. 4]. В качестве примера подобного рода культуральных структур Александер приводит определенную "этику спасения", имевшую огромное влияние на социальную организацию повседневной жизни людей. Ее анализ, проведенный М. Вебером, позволил раскрыть внутренний смысл формирования принципиально новых типов рациональностей, солидарностей, экономических и политических организаций [6, р. 8].

В современном обществе проблема значительно усложнилась тем, что не только увеличилось само количество производимых смыслов, но и тем, что при отсутствии общепризнанной морали, которая в традиционном обществе выступала своеобразным "эталонном" истинности суждения, смыслы одних и тех же реалий носят релятивистский и зачастую противоречивый, амбивалентный характер. "В нашем постмодер-

нистском мире, - отмечает Александер, - фактические суждения и фиктивные нарративы* плотно переплетены. Бинарности символических кодов и истинных/ложных суждений накладываются друг на друга" [6, р. 5].

Как эти противоречивые, подчас латентные смыслы, к тому же подвергающиеся нелинейной динамике, парадоксальным синтезам и разрывам, можно проанализировать и интерпретировать? Что позволяет людям адаптироваться определенным образом к постоянно увеличивающемуся разнообразию смыслов? На основании чего они осуществляют *выбор* того или иного смысла? Что или кто подталкивает их в пользу той или иной альтернативы, какие технологии используются для *различения* смыслов?

За этими вопросами стоят интересные и сложные социологические проблемы. Естественно, они востребовали привлечения широких пластов социологического знания. Александер называет следующие теоретические источники культуральной социологии: социальный психоанализ, семиотика и социолингвистика (Р. О. Якобсон), символический реализм (Р. Беллах), антропология (К. Леви-Стросс), символическая антропология (В. Турнер, М. Дуглас, К. Гиртц), феноменология (В. Дильтей, А. Шюц), этнометодология (Г. Гарфинкель), социология модерна (П. Бурдьё, Э. Гидденс), социология постмодерна (М. Фуко, Ж. Бодрийар) [6, р. 11 - 26]. Трудно назвать другую социологическую парадигму, которая была бы основана на столь широком теоретическом синтезе.

Особую значимость для возникновения культуральной социологии, по мнению Александера, имела "серия критических интеллектуальных событий", среди которых социолог выделяет *лингвистический и культурный повороты*. Лингвистический поворот - *неопозитивистский* подход к трактовке языка, представленный в работах Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера, М. Фуко, П. Бурдьё и др., предполагавший акцентирование его коммуникативной функции, обращение к исследованиям релятивности смысла одних и тех же языковых знаков в контексте включения инструментария герменевтики в социологическую науку, что предполагало переход от позитивистского монизма и евроцентризма к многозначной и релятивистской трактовке социальной реальности, которая имеет не только объективное основание, но и социально конструируется [6, р. 6]. Общество стало интерпретироваться как *текст*. При этом его смысл меняется, исходя из того, что сама трактовка текста в социальных науках разная и находится в динамике. Текст - это совокупность *культурных кодов*, посредством которых организуется знаковое многообразие культуры (Леви-Стросс); в герменевтике - *языковое выражение субъективности Автора*; в постмодернистской социологии - связанная последовательность *знаков*, обозначающих *модель реальности*, при этом выражающих принципиальную открытость ее смысла, исходя из отсутствия референтов.

Суть культурного поворота по Дж. С. Александеру состоит в том, что традиционно социология рассматривала культуру как зависимую переменную. Ныне же социологи исходят из того, что культура обладает *относительной автономией*, оказывает самостоятельное и весьма существенное влияние на характер институтов и социальных действий людей. Соответственно культурный поворот оказал существенное влияние на появление принципиально нового инструментария в современных социологических теориях, который нацелен на изучение производства смысла, его влияния на институты общества, характер поведения людей [6, р. 12]. Концепция относительной автономии культуры позволила культуральной социологии создать "сильную программу" исследования, позволяющую "проиллюстрировать, какую значимую роль играет культура в определении параметров социальной жизни. Напротив, социология культуры, - счи-

---

* Традиционно - понятие, обозначающее устную передачу историй, мифов, легенд. В культуральной социологии оно используется в значении смысла в форме дискурса, который, будучи многократно воспроизведен масс-медиа, превращается в стереотип, что способствует формированию относительно устойчивых коллективных представлений определенного мировоззренческого и ценностного толка. Благодаря эффекту стереотипизации, зачастую сопровождаемой эмоциональным воздействием, нарративы входят в сознание широкого круга людей.

тает Александер, - предлагает "слабую программу", в которой культура является слабой и амбивалентной переменной... Приверженность культурально-социологической теории, основанная на признании культурной автономии, является самым важным качеством сильной программы" [6, р. 13]. Это - квинтэссенция данной социологической парадигмы: "Вовлеченность в культуральную социологию не означает веру в то, что хорошие дела происходят или что идеалистические мотивы правят миром. Напротив, только при понимании культуральных структур во всей их сложности и со всеми нюансами можно реалистически осмыслить суть власти, живучесть насилия, доминирования, изгнания и деградации" [6, р. 7]. Для исследования культуральных структур социолог предлагает руководствоваться определенными методологическими принципами. Рассмотрим некоторые из них.

Означение, кодирование реальности

По Дж. Александеру, социальные реалии изначально не являются хорошими или плохими, священными или вульгарными, демократическими или антидемократическими. Они обретают определенное качественное, ценностное содержание только в результате *означения* как процесса кодирования реалий, что в итоге формирует характер социального знания. Александер рассматривает суть процесса означения на примере конструирования травматических событий. "Для того, чтобы травматическое событие обрело статус зла, необходимо его *становление* [курсив Александера - С. К.] злом. Это вопрос того, как травма входит в знание, как она кодируется. <...> Я бы хотел предложить само существование категории "зла" не рассматривать как нечто существующее, а как атрибутивное конструирование, как продукт культуральной и социологической работы" [6, р. 31]. Изначально означение осуществляется с помощью *бинарной оппозиции*, представляющей отношения в социально и культурно сконструированных системах, в которых знак обретает свой смысл только в контексте со знаком, находящимся к нему в оппозиции (примеры Александера: добро - зло; демократический либерализм - демократическая репрессия, священное - вульгарное и т.д.). При этом бинарные оппозиции проявляют себя не однозначно, а с помощью *бинарных представлений и бинарных дискурсов*.

Кодирование явления как зла американский социолог показывает на примере холокоста, который определяется им как универсализированный символ человеческого страдания и морального зла, связанный с этнической и расовой ненавистью, олицетворяющий травму для всего человечества, по которому в дальнейшем осуществляется типизация новых массовых насилий над людьми. Ученый особо подчеркивает: холокост - социально сконструированный "культуральный факт" [6, р. 28]. "Холокост никогда не был бы обнаружен, если бы не победа союзных армий над фашизмом" [6, р. 32]. "Он стал главным символом зла, по отношению к которому осуществляется типизация новых проявлений массовых репрессий" [6, р. 73]. Под влиянием культурной глобализации западные народы постепенно усваивают его символический смысл и социальное значение. Так, "культурная революция" в Китае, по оценке китайского исследователя, которую приводит Александер в своей книге, стала "десятилетним холокостом" [6, р. 27].

Исходя из своего методологического кредо, Александер отмечает сложную динамику процесса означения: события сами по себе не создают травму, ибо они не являются от природы травматическими. Изначально травма социально связана со становлением, динамикой означения. Оно может быть осуществлено как в реальное время протекания события, так и позже. Иногда даже воображаемые, не происходившие в реальности события травмируются. Однако реальные или воображаемые явления означаются как травматические не потому, что они действительно вредные, а потому, что эти явления обретают смысл зла. При этом весьма важно, что этот смысл зла нарушает коллективную идентичность [6, р. 91, 92]. Возможна и совсем иная ситуация, когда весьма схожие события не означаются как травма. Так, институты могут

прекратить выполнять должным образом свои функции. Школы могут перестать осуществлять обучение детей, даже не вооружая их основными умениями и навыками, необходимыми для жизни в современном обществе. Правительства могут быть не в состоянии обеспечить условия существования своим гражданам. Такие проблемы реальны и фундаментальны, но они не обязательно являются травматическими для членов общества, ибо не затрагивают коллективность. "События - это одно дело, представление этих событий - совсем другое, - подчеркивает Александер. - Травма не является результатом переживания групповой боли. Она - результат реального дискомфорта, затрагивающего сердцевину коллективного чувства своей идентичности. Коллективные акторы "решают", представлять ли им социальную боль как фундаментальную угрозу их чувству того, кто они есть, откуда они пришли, куда они идут" [6, p. 93].

Преодоление разрыва между событием и его означением в качестве травмы представляет собой многовариантный символический процесс, который может развиваться по нарастанию вовлеченности акторов в кодирование реального или воображаемого события, что британский социолог К. Томпсон назвал *спиралью означения* [7]. Развивая идею спирали означения, Александер выделяет ряд возможных этапов этого процесса. На начальном этапе это может быть переход от простого рассказа о событии к убеждению весьма широких масс в том, что они из-за него подверглись травме. При этом, как правило, задаются вопросы: кто причинил вред жертве? Кто вызвал травму? Естественно, как эти вопросы, так и ответы на них всегда являются предметом символического и социального конструирования. В итоге создается новый нарратив о социальном страдании. Далее, травматический процесс может войти в религиозную сферу, что приведет к связи травмы с богооправданием. Когда же этот процесс поднимается до уровня научного мира, для символического и социального конструирования травмы используются конкурирующие научные подходы, ведущие, соответственно, к "ревизиям" представлений о природе зла, жертвах, о том, кто ответственен за них, и т.д. Еще более драматизируют события массмедиа с помощью средств символического производства, внося свой вклад в углубление процесса означения. Наконец, если к травматическому процессу подключается государственная бюрократия, то она стремится направить его в определенное русло. Создаются национальные комиссии по расследованию, парламентарии ставят вопрос на голосование, формируются новые директивы о национальных приоритетах и т.д. [6, p. 94 - 101]. Представляется, что концепция спирали означения может быть использована для интерпретации динамики кодирования и перекодирования самых разных процессов. Пример тому - поднимаемая в Украине во времена президентства Ющенко проблема украинского "голодомора" середины 1930-х годов.

Аналогично разворачивается процесс означения зла. Зло, по Александеру, - не социальный факт, а культурно сконструированное коллективное представление, как результат его кодирования, олицетворяющее собой плохое, приносящее вред, что вместе с добром составляет бинарную оппозицию: "Зло должно быть кодировано, выражено через нарратив, помещено в каждую социальную сферу - в интимную сферу семьи, в мир науки, религию, экономику, управление. <...> В каждой сфере, в каждом национальном сообществе как едином целом есть искусно разработанные нарративы о том, как развивается зло, где оно вероятнее всего может появиться, об эпохальных сражениях, которые имели место между злом и добром, и о том, как добро в очередной раз торжествовало над злом" [6, p. 115, 116]. Также происходит процесс означения наказания. "Я могу предложить, - пишет Александер, - что наказание представляет собой социальную среду, через которую практики акторов, групп и институтов значимо и эффективно соотносятся с категорией зла. Через наказание зло натурализуется" [6, p. 116].

Представляется интересным то, как через призму социокультурной динамики трактуется технология с позиций культуральной социологии. "Технология - это часть культурального порядка. Это - знак, являющийся одновременно означающим

и означаемым, в отношении которого акторы не могут не проявлять свои субъективные состояния ума" [6, p. 180]. Социолог считает, что еще предстоит более глубоко осмыслить идею о том, что современная технология - это не только материальный факт (К. Маркс), но и определенный дискурс, характер которого меняется в историческом контексте, а также под влиянием современных социальных и культурных требований. Современный технологический дискурс весьма важен для облика будущего человечества. Несомненно, перспективы развития технологий будут определяться не только технико-экономическими возможностями, но и тем, как люди будут осуществлять означение научно-технических достижений через призму бинарных оппозиций добра и зла. Кто-то, например, ассоциирует компьютер с приобщением к цивилизации, а кто-то видит в компьютеризации один из значимых факторов свертывания социального общения людей, появления новых форм отчуждения и овеществления и т.д.

Роль культуральных кодов в гражданской сфере

Возможности инструментария культуральной социологии Александер показывает на примере исследования общественной жизни, ее явных и латентных конфликтов. В 2006 г. выходит в свет его весьма объемная книга (около 800 стр.), посвященная данной проблематике "*Гражданская сфера*" [8]. В ней он отмечает, что благодаря инструментарию культуральной социологии открываются возможности создания принципиально новой концепции гражданского общества, основанной на дискурсе, означениях социальных реалий через призму бинарных оппозиций добра и зла, что, соответственно, предполагает выход на социологический анализ конкретного образа жизни людей, их чувств: "Мы нуждаемся в новой концепции гражданского общества как гражданской *сферы*, мира ценностей и институтов, которые иницируют способность к социальной критике и демократической интеграции в одно и то же время. Такая сфера основывается на солидарности, на чувствах в отношении других людей, которых мы не знаем, но кого мы уважаем, исходя из принципа, а не опыта, вследствие нашей предполагаемой приверженности к общей судьбе. <...> Я предлагаю идею демократии как образа жизни. Демократия не игра, организуемая по техническим правилам. Это мир больших и идеализированных ожиданий, а также несметных чувств отвращения и осуждения. Это арена ожесточенного конфликта, а также космополитического равнодушия и любви. Демократическая жизнь движется взад и вперед между трансцендентальным языком сакральных ценностей добра и вульгарных символов зла; эти изменения осуществляются посредством таких институтов, как голосование, правление закона и этики администрирования, что способствует достижению согласия при различии" [8, p. 4]. Как нетрудно заметить, гражданская сфера обеспечивает, согласно Александеру, "пространство для демократии", определяется опытом солидарности и трактуется как структура чувств и переживаний, сформированных под влиянием смыслов социальной жизни, детерминированных определенным дискурсом.

С этих же теоретико-методологических позиций Александер трактует и право: "Я предлагаю переосмыслить право как форму символического представления. Право возвеличивает, стереотипизирует и осуждает действия, которые считаются представляющими угрозу для гражданского общества. <...> Право применяет священные принципы гражданского дискурса к случаю за случаем в реальное историческое время; для достижения этого оно должно идентифицировать и наказывать зло" [8, p. 6]. Аналогичные теоретико-методологические позиции американский социолог распространяет на социальные движения: "Социальные движения должны быть переосмыслены. Они не только мотивированы когнитивными ощущениями рационального интереса, и их успех вряд ли только зависит от мобилизации ресурсов в материальном смысле. Социальные движения имеют корни в субъективности и детерминированы символической коммуникацией" [8, p. 7].

Особое влияние на образ жизни людей, характер их чувств, отношений к институ-

там, включая институт власти, оказывают не только сами институциональные структуры и их функции, но и "культуральные коды". По мнению Александра, конкретные политические цели и даже большинство стратегических действий непосредственно обусловлены культуральными кодами. "Власть, - пишет он, - это также среда коммуникации, а не только цель действия, основанного на интересе, или средство принуждения. Она имеет символический код, а не только материальную основу. <...> Чтобы понять это, мы должны задействовать семиотические теории бинарных кодов, литературные модели риторики и нарратива, антропологические концепции перформанса и мифа. Символическая среда политики представляет собой язык, который сами политически акторы полностью не понимают. <...> Я настаиваю на значимости языка в политической жизни" [8, р. 48]. Заметим, что проблема перформанса (спектализации) социальной жизни уже давно привлекает к себе внимание ряда социологов и социальных теоретиков [9, 10, 11, 12]. И далее Александр подчеркивает: "Я бы утверждал, эти коды настолько социологически важны, что каждое изучение социальных различий и конфликта должно быть дополнено ссылкой на эту гражданскую символическую сферу" [8, р. 54].

С помощью культуральных кодов осуществляется различение противоборствующих сторон в социальных конфликтах. Сказанное особенно относится к кодированию "Мы" и "Они"-групп посредством бинарных оппозиций. Александр отмечает: "Для большинства членов национального сообщества известные национальные войны четко разграничивают добро и зло. Солдаты национальной армии обычно представляются смелыми, им сопутствует свободолобивый дискурс; враждебные же нации и противостоящие армии представляются как весьма убедительный набор того, что имеет контрдемократический код" [8, р. 64]. Трудно не согласиться с этим его высказыванием. Действительно, практически все социальные реалии гражданской сферы кодируются. Люди выносят суждения на предмет того, кто - друг, а кто - враг, посредством обращения к символическим кодам. Означенная определенным образом реальность, наделенная символом добра или зла, начинает ассоциироваться с конкретным культуральным кодом. По силе воздействия на общественное сознание, на характер поведения людей культуральные коды подчас превосходят разного рода материальные структуры - организационные, политические, экономические и другие. Сила этих культуральных кодов - в производимом ими смысле, который, будучи однажды созданным, может обретать относительно автономное существование, даже собственную власть, подчас выходящую из-под контроля своих создателей.

Целенаправленно создаваемые культуральные структуры

Современное общество, входящее в состояние постмодерна, обретает такие черты, как диффузность, нелинейный характер развития, приводящий к разрывам социума, культурным травмам, парадоксам, "размыванию" нормативности, что создает предпосылки социальной неопределенности. Культуральные же структуры способствуют упорядочению социума, формированию относительно долгоживущего общественного мнения и сознания. Поэтому ныне они оказались востребованными и формируются не только стихийно, но и целенаправленно. Примером целенаправленно созданных культуральных структур являются имиджи, бренды, нарративы, мифы. То, как искусственно и целенаправленно создаются культуральные структуры, Александр наглядно рассматривает на материале политической борьбы за власть. 23 октября 2008 г., когда он находился в России, в МГИМО-Университете им была прочитана лекция именно по этой проблематике: "Демократическая борьба за власть: президентская кампания в США 2008 г."

Важнейшим механизмом искусственного создания культуральных структур, как считает американский социолог, является *перформативность*. "Политики, борющиеся за власть, когда делают безапелляционные заявления о положении в мире и о своих оппонентах, хотели бы, чтобы мы поверили в то, что их слова относятся к

константным суждениям. Однако, по большей части, они являются перформативными. Они не столько описывают мир, сколько хотят привнести этот мир в воображение их слушателей. Они хотят убедить нас в том, что это и есть истинное положение дел. Если их спектакли успешны, мы будем убеждены. Мы будем убеждены, если политические спектакли обладают "меткостью попадания в цель", если они структурированы восхитительным образом, что имеет отношение к нашим чаяниям, создают картины в нашем сознании и заставляют нас идентифицироваться с ними, разделяя их словесные проникновения. "Меткие" спектакли создают целостность оратора и аудитории. Мы наделяем спектакли правдоподобием. Мы думаем, что слова политиков правдивы, а они сами аутентичны" [13, р. 74]. Политики способны обрести "перформативную власть", которая существенно отличается от традиционного понимания власти. Соответственно, происходят изменения в природе политической борьбы. Ведь, по мысли М. Вебера, политика - целестроительная деятельность, предполагающая "*самостоятельное руководство*" [14, р. 644]; у политика должны быть такие качества, как "*ориентация на существо дела*", "способность с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальностей" [14, р. 690]. Ныне же политические спектакли отодвигают в сторону и самостоятельное руководство, и существо дела, и подчас саму реальность, используя такой прием, как подмена социальных фактов интерпретациями, к тому же исходящими во многих случаях не от самих политиков: "Журналисты и институты масс-медиа, - отмечает Александер, - интерпретируют политические спектакли даже до того, как они развертываются перед голосующей аудиторией. Этим аудиториям масс-медиа представляют политические спектакли как нечто означающее, как факт, хотя они уже представляют собой интерпретации. При этом журналисты не только фильтруют политические спектакли, но и информируют аудиторию о том, как они сами пришли к этим интерпретациям" [13, р. 75]. Однако производимый в перформативных процессах смысл обретает подчас большую значимость, чем традиционные партийно-мобилизационные ресурсы борьбы за власть. Отсюда следует, что именно анализ смысла, способов его производства, влияния на общественное сознание составляет суть "сильных программ", свойственных культуральной социологии. Она исходит из того факта, что в современных демократических обществах борьба за власть внутри гражданской сферы выступает как борьба за убеждение, принимающей форму спектаклей, производящих эмоционально окрашенные смыслы, которые сильно действуют на чувства людей. "Взятие власти в демократическом обществе, - говорил на лекции Александер, - по существу, является борьбой за позицию посредством бинарного дискурса. Целью тех, кто борется за политическую власть, является идентификация себя, "проблем" своей кампании и своей идеологии с сакральной стороной этой бинарности и производство убедительных суждений о своих оппонентах, как олицетворяющих антигражданское зло. Те, кто борются за власть, стремятся распространить эти культуральные конструкции за пределы своего непосредственного идеологического и организационного внимания, превратив их в иконные объекты эмоциональной идентификации, распространяя их как вглубь, так и вширь среди населения" [13, р. 76].

Среди искусственно создаваемых культуральных структур особо значимое место занимают имиджи, символические образы политиков. Для борьбы за власть в демократическом обществе, по мнению Александера, индивид должен обрести коллективное представление, стать узнаваемым символом в гражданской сфере, олицетворяющим добро. При этом недостаточно достичь данного статуса только среди своих партийных сторонников. Необходимо спроецировать эту символическую фигуру на всю гражданскую сферу. Поэтому имиджмейкеры кампании организуют разного рода перформативные мероприятия. Их целью является распространение привлекательного символического образа политика посредством масс-медиа на гораздо более широкие круги избирателей.

Современный политик, борющийся за власть, должен стать национальным "героем", и социолог раскрывает процесс превращения Барака Обамы в героя, что,

в частности, осуществляется с помощью такого перформативного трюка, как *мифический нарратив*. Проведенный Александром качественный анализ американской прессы периода последних президентских выборов в США позволил ему объяснить "перформативную эффективность" кандидата в президенты в терминах идентификации: Обама "обладает даром, заставляющего людей видеть себя в нём". Этому способствуют соответствующие публикации, особо акцентирующие такие его качества, как способность исполнять несколько ролей одновременно, быть лидером-преобразователем, выполнять миссию библейского пророка. Социолог задается вопросом: почему пророческий нарратив необходим? Ответ Александра: "Каждая борьба за большую временную политическую власть основывается на нарративе кризиса и спасения. В конце концов, сильные личности могут становиться героями, только преодолевая нечто необычно великое, разрешая непреодолимые вызовы. <...> Чтобы стать героем, требуется войти в миф. Необходимо прекратить быть просто смертным мужчиной (или женщиной) и развить второе бессмертное тело в смысле Канторовича (автора книги "*Два тела короля*"**) - иконную внешность, которая вызывает у аудитории сильнейшее чувство связи с божественным царством идеалистической политической жизни страны, которая разворачивается прямо перед вами. Обама начал выращивать это второе тело. Он больше не просто человеческое существо - имеющий телесную оболочку парень с большими ушами, писатель, обычный человек, - а герой. Будучи героем, иконой, это символическое тело не умрет никогда. Его будут помнить независимо от того, что случится с человеком. Большинство политических фигур не могут вырастить такую вторую телесность" [13, с. 77].

Разумеется, есть и другие приемы искусственного формирования культуральных структур, анализируемые Александром. Среди них - собственно культуральная деятельность, культуральное конструирование избирателей и культуральное конструирование кандидатов и др. Ограниченные рамки статьи не позволяют остановиться на них подробнее. Заинтересованный читатель может познакомиться с ними, обратившись к выше названным работам социолога.

* * *

Квинтэссенция теоретико-методологического подхода Александра состоит в том, что как простые люди, так и ученые-социологи традиционно считали, что в социальной жизни и, в частности, в политической борьбе за власть они имеют дело с *реальными* объектами, выступающими в виде ценностей и интересов, с *реальными* структурами и их функциями, а также с *реальными* людьми. Позиция социолога состоит в том, что все это *означаемое*, что проблемы, конструируемые людьми с помощью бинарных противоположностей добра и зла, могут представлять как в позитивном, так и в негативном плане. Их суть релятивна, зависит от *смысла*, зачастую латентного, формируемого с помощью символов и кодов в процессе коммуникаций людей в повседневной жизни, а иногда и целенаправленно. Этот подход позволяет глубже понять природу современной социальной жизни и социального противоборства. Конфликты проистекают не только между реальными борющимися сторонами, но и между демократическими и антидемократическими кодами. Исход противоборства все чаще решается не на военном, политическом или экономическом поле, но на поле культурном, информационном и во многом зависит от эффективного перформанса смысла, характера знания. При этом, по существу, социолог обосновывает новые основания знания эпохи постмодерна, каковыми являются различные механизмы означивания и кодирования реалей.

На наш взгляд, культуральная социология Дж. Александра является одной из перспективных парадигм постмодернистского толка, позволяющей изучать амбивалентности и парадоксы виртуальной реальности, соотношения явного и латентного, существа дела и перформанса, намеренных и ненамеренных последствий как резуль-

---

** Э. Канторович (1895 - 1963), немецко-еврейский историк, занимавшийся изучением средневековой политической и интеллектуальной жизни. Упомянутая нами книга впервые была опубликована в 1957 г.

тат действий людей. Она также дает возможность анализировать влияние символов через их смыслы на общественное сознание и поведение людей. Исследование производства и распространения смыслов, действительно, представляет актуальный социологический интерес. Ведь обществоведам приходится рефлексировать в отношении виртуальной реальности, парадоксальных интерференций смыслов в глоболокальных контекстах, анализировать их противоборство в условиях усложняющейся нелинейной динамики социума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Alexander J.C.* (ed.). Neofunctionalism. Beverly Hills, CA: Sage, 1985.
2. См., например: *Colomy P.* (ed.) Neofunctionalist Sociology. Brookfield, VT: Elgar Publishing, 1990.
3. *Blasi A.J.* Review of Neofunctionalism // Sociological Analysis. 1987, N 48(2).
4. *Abrahamson M.* Functional Conflict and Neofunctional Theories // Handbook of Social Theory. Ed. by G. Ritzer and B. Smart. London: Sage Publications, 2001.
5. *Alexander J. C.* Neofunctionalism and After. London: Blackwell, 1998.
6. *Alexander J.C.* The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology. Oxford University Press, 2003.
7. *Thompson Kenneth.* Moral Panic. London: Routledge, 1997.
8. *Alexander J.C.* The Civil Sphere. N.Y.: Oxford University Press, 2006.
9. *Гоффман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
10. *Хейзинга Й.* Homo ludens [Человек играющий]. М.: Прогресс-Традиция, 1997.
11. *Дебор Г.* Общество спектакля. М.: Логос, 2000.
12. *Кравченко С. А.* Нелинейная социокультурная динамика: играйзационный подход. М.: Издательство "МГИМО-Университет", 2006.
13. *Александр Дж.С.* Демократическая борьба за власть: президентская кампания в США 2008 года // Вестник МГИМО-Университета, 2008. N 3.
14. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // *М. Вебер.* Избранное. М.: Прогресс, 1990.